18+

ЛЮБОВЬ В ПРОЦЕНТАХ. КНИГА 1

ОШИБКА НА 99%

ЛИЛА ЭШБИ

Лила Эшби
Ошибка на 99%

https://litres.ru/74757669
ISBN 9785007152280

Аннотация

Сваха Тесс Кэллоуэй подбирает пары по старинке: анкета, хорошая ручка и чутьё. Её бывший муж Уэс доверяет приложению, которое обещает «любовь на 99%». Когда приложение находит любимой клиентке Тесс идеального мужчину, а её собственный кандидат, молчаливый городской арборист, набирает лишь 41%, бывшие супруги заключают пари. Но у идеального жениха нет прошлого, нет следов и есть дом, в котором он ни разу не был. Тёплая и смешная романтическая комедия с детективной загадкой.

Содержание

Глава 1. Никакой лотереи 5
Глава 2. Корни зла 17
Глава 3. Идеальный мужчина 28
Глава 4. Условия пари 38
Глава 5. Деревьям нужно 48
Глава 6. Человек, не оставляющий следов 57
Глава 7. Шесть утра 67
Глава 8. Окно кондитерской 76
Глава 9. Вечер у Кэролайн 84
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Ошибка на 99%

Лила Эшби

© Лила Эшби, 2026

ISBN 978-5-0071-5228-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Моей маме, которая всегда замечает главное.

Глава 1. Никакой лотереи

Мой бывший муж вернулся в Сэйбл-Харбор на автобусе.

Нет, не в автобусе. На автобусе. На его боку. Согласитесь, это гораздо хуже.

Случилось это во вторник, без двадцати девять. Я стояла у окна своего кабинета: в одной руке кофе, в другой папка клиента. Никого не трогала. И тут к остановке на углу Кинг-стрит подползает автобус, пыхтит, как пенсионер, которого подняли с дивана, и останавливается аккурат под моим окном.

Тёмно-синий борт. Белые буквы. Огромное красное «99» в кружочке. А под ним тем самым аккуратным, самодовольным шрифтом, которым Уэс набирал всё на свете, включая поздравления мне с днём рождения:

ЛЮБОВЬ НА 99%. НИКАКОЙ ЛОТЕРЕИ — ЧИСТАЯ МАТЕМАТИКА.

ТЕПЕРЬ И В СЭЙБЛ-ХАРБОРЕ.

Портрета не было. Уэс ни за что не повесил бы своё лицо на автобус. Не тот тип тщеславия. Его тщеславие из тех, что гладит джинсы со стрелками.

Но я сразу поняла, кто это. Потому что эту фразу я уже слышала. На нашей кухне. В одиннадцать вечера. Про посудомойку.

У Уэса была система загрузки посудомоечной машины.

Миски под углом. Вилки вниз. Ножи вниз. Тарелки друг друга не касаются, как поссорившиеся соседи по коммуналке. Я же загружала её как нормальный человек: запихнула, захлопнула, понадеялась. И каждый раз, когда бокал выходил мутным, Уэс поднимал его к лампе, щурился, как ювелир на сомнительный бриллиант, и говорил:

— Тесс, это не лотерея. Это математика.

Женаты мы были четыре года. Этот разговор случался у нас раз двести.

И это, между прочим, тоже не математика. Это семейная жизнь.

Автобус уехал. Я сказала одно слово, которое при клиентах не говорю никогда. Хорошо, что клиентов не было. Был только запах, ползущий вверх по лестнице из свечной лавки миссис Олбрайт. На этой неделе она продвигала аромат «Персиковый рай».

Для персикового рая было, прямо скажем, рановато.

* * *

Расскажу, чем я занимаюсь. Чтобы вы могли как следует меня осудить.

Я сваха. Настоящая, старой закалки. Я не вываливаю перед человеком тысячу физиономий, чтобы он выбирал судьбу пальцем, как арбуз на рынке. Я сижу с клиентом полтора часа за столом. Слушаю, что он говорит. Потом слушаю, о чём он молчит, а это обычно куда интереснее. Со всеми

кандидатами я знакомлюсь лично, раньше клиента. А после свидания звоню и спрашиваю, как всё прошло. И в девяти случаях из десяти уже по «алло» понимаю, что сейчас мне будут врать.

Офис у меня — две комнаты на втором этаже, над свечной лавкой. В первой стол, два кресла и папоротник, который пережил двух моих кавалеров и одного бухгалтера. Во второй картотека. Бумажная, да. Одна клиентка как-то сказала, что от слов «вы будете в базе данных» чувствует себя как просроченная книжка в библиотеке. Я её прекрасно понимаю.

На двери золотыми буквами написано: «БРАЧНОЕ АГЕНТСТВО КЭЛЛОУЭЙ».

Да, после развода я оставила название. Одни считают это ужасно грустным, другие ужасно смешным. Зависит от того, насколько хорошо меня знают. Причина первая, практическая: к моменту развода у половины мамаш в лучших домах Старого квартала это название уже было записано в телефоне. Сменить его — всё равно что переименовать церковь. Причина вторая: позолоту я оплатила из своего кармана. А позолота, знаете ли, на дороге не валяется.

Вот такая я. Разведённая сваха, на визитках которой красуется фамилия человека, однажды расставившего наши приправы по алфавиту.

С этой иронией судьбы я смирилась. Почти. По вторникам смиряться тяжелее.

* * *

До девяти утра телефон пискнул четыре раза.

Первой отметилась Кэролайн Хаверти. Весной я познакомила её дочку с очень приличным ортодонтом.

«Ты ВИДЕЛА?? Это ОН???»

И дальше целая вереница жёлтых рожиц, в ужасе зажимающих рот.

Потом написала девушка с ресепшена моей стоматологии. В марте я нашла ей парня, и с тех пор она считает меня чуть ли не сестрой. Прислала фото автобуса, снятое через лобовое стекло. По стеклу шла трещина, ровнёхонько через обе девятки. Подписи не было. Фото и так говорило само за себя.

А потом номер, который я стёрла пять лет назад. Узнала его по последним четырём цифрам. Бывают песни, которые узнаёшь с первых двух нот, хочешь ты того или нет.

«Хотел предупредить, пока ты не увидела автобус».

Через сорок секунд:

«Ты увидела автобус».

Я положила телефон на стол экраном вниз. Потом перевернула: экраном вниз — это уже демонстрация, а демонстраций он не заслужил. Потом швырнула телефон в ящик, к степлеру и неприкосновенному запасу в виде батончика мюсли, и задвинула ящик коленкой.

Отвечать не стала. Должна же у женщины оставаться хоть какая-то гордость. Хотя бы в виде молчания.

* * *

Делия Хаскелл явилась ровно в десять.

Уже одним этим она заслуживала памятника. В Сэйбл-Харборе «в десять» означает «где-нибудь до обеда, если ничего не случится».

Я люблю угадывать что-нибудь о новых клиентах, пока они не открыли рот. Дурная привычка, но мозги держит в тонусе. Обычно я загадываю три вещи и в двух попадаю.

Значит, так. Чуть за тридцать. Тёмные волосы стянуты в хвост так туго, будто это дело принципа. На ногах сабо — те страшненькие и удобные, в которых ходят люди, по двенадцать часов не присаживающиеся. Ногти короткие, без лака. На тыльной стороне левой руки маленький белый шрамик от ожога. А в нагрудном кармане жакета, там, где у нормальных людей торчит ручка, длинный тонкий градусник.

Медсестра, решила я. Приёмное отделение. Ночные смены, если судить по глазам.

— Мисс Кэллоуэй? Здравствуйте, я Делия. Я записана на десять. Надеюсь, я всё ещё записана на десять. Меня на Чёрч-стрит чуть не задавила конная коляска с туристами. Лошадь посмотрела мне прямо в душу.

— Они умеют, — сказала я. — Туриста за версту чуют. Проходите. Кофе будете?

— Господи, да. Чёрный. Нет, с молоком. Нет, чёрный. Простите. Я на ногах с трёх часов ночи.

Ночные смены, отметила я. В яблочко.

Я выдала ей кофе и анкету. Четыре страницы на кремовой бумаге. Ругают её все клиенты до единого, и все до единого заполняют. Есть в настоящей ручке и настоящей бумаге что-то такое, отчего люди нечаянно пишут правду.

Я не подглядываю, пока они заполняют.

Ладно. Подглядываю. Но делаю это незаметно.

Первую страницу Делия проскочила быстро. Имя. Возраст: тридцать два. Адрес: улочка возле Ривер-авеню. Род занятий.

Написала: «Торты».

Я ещё раз посмотрела на её градусник. Медицинским он не был. Это был кондитерский термометр. И коричневое засохшее колечко у кончика было, слава богу, не кровью, а карамелью.

— Вы печёте торты, — сказала я.

— В основном свадебные. — Она подняла голову. — А что? Вы что подумали?

— Что вы медсестра.

— Из-за сабо. — Она даже не обиделась. — Все так думают. Однажды в автоинспекции дядька в очереди задрал рукав и попросил посмотреть его сыпь.

Ну вот. Я же говорю: сабо.

— И вы посмотрели?

— Посоветовала намазать маслом. Потом совесть замучила, я вернулась сказать, чтобы ни в коем случае не мазал. — Она снова уткнулась в анкету. — По-моему, он к тому вре-

мени уже ушёл.

Она мне понравилась. А в моём деле это опасно. Когда клиентка мне нравится, мне хочется достать ей звезду с неба. А звёзды, как правило, давно женаты.

* * *

На второй странице она застряла. Застревают все.

На второй странице у меня вопросы, на которые не бывает практических ответов. Чем бы вы занялись в свободное воскресенье? Что вы любите только для вида? В чём ваши родители ошибались друг насчёт друга?

Какое-то время Делия бойко строчила. А потом замерла с ручкой в воздухе, как человек, который в темноте вдруг понял, что стоит на середине лестницы.

Вопрос был такой: «Расскажите о последнем свидании, которое вам действительно понравилось».

Она что-то написала. Зачеркнула. Написала покороче. А потом сунула мне всю пачку через стол, быстро, будто листы жглись.

Под последним понравившимся свиданием значилось: «Следующий вопрос».

— Хорошо, — сказала я. — Сколько свадебных тортов вы испекли?

Она захлопала ресницами.

— Вообще?

— Вообще.

— Триста двенадцать. К субботе будет триста четырнадцать, если мастика не начнёт капризничать.

— А на скольких из этих свадеб вы были гостьей? Не тётенькой с тортом, а гостьей.

Она честно задумалась, и мне это понравилось.

— На шести. Нет, на пяти. Одна была у двоюродной сестры, но мне пришлось сбежать до тоста: верхний ярус поехал. Стоял, как пьяный. Торт, в смысле. Сестра тоже немножко, но это уже позже.

— Получается, лет десять вы стоите в конце зала на самом счастливом дне чужой жизни и следите, чтобы крем не потёк.

— Ой. Когда вы так говорите, похоже на жалостливую песню из придорожного кафе.

— Половина моей работы похожа на жалостливую песню, — сказала я. — Потому она и приносит деньги.

И тут Делия расхохоталась. Впервые с той минуты, как вошла. И лицо у неё сразу стало другим.

Всё дело всегда в смехе. По первому настоящему смеху о женщине узнаёшь больше, чем по четырём страницам анкеты. Делия смеялась вдруг и чуть громче, чем надо. Как будто смех долго сидел взаперти в шкафу, и вот кто-то наконец открыл дверцу.

* * *

Когда она отсмеялась, остальное пошло как по маслу.

Приложения она перепробовала. Похоже, все. Включая

приложение для собачников, хотя собаки у неё нет. Она ходила на свидания с мужчинами, которые весь ужин рассказывали о бывших жёнах. С мужчиной, который на втором свидании поинтересовался, не будет ли «скидочки по знакомству» на свадебный торт для его сестры. С мужчиной, который пришёл в ресторан со своей солью.

— Со своей солью, — повторила я.

— В маленькой жестяной баночке. Сказал, что ресторанной соли доверять нельзя. Я не стала уточнять почему.

— Мудро.

— И самое обидное, — продолжала она, крутя в руках чашку, — они же не плохие. Большинство. Они просто не смотрят. Я по дегустации могу сказать, у какой моей невесты всё получится. Если жених пробует все варианты и высказывает своё мнение — всё у них будет хорошо. Если сидит в телефоне и говорит: «Как она захочет», — даю им года два. — Она осеклась. — Ужасная вещь, да?

— Очень точная вещь. Я её у вас стащу.

— Мне просто нужен человек, который замечает. И всё. Принц мне не нужен. Мне нужен мужчина, который заметит, что я сменила причёску.

— А вы сменили?

Она потрогала затылок.

— Нет. Я всегда так хожу.

— Ну, значит, работа у него будет непыльная.

Пока она говорила, я мысленно уже перебирала ящик. Не

тот, где телефон. Другой, длинный, в задней комнате. Там у меня лежат мужчины свободные, порядочные и почему-то совершенно невыносимые.

И где-то на самом дне этого ящика лежала папка, которую я давненько не открывала.

Мужчина, который за полтора года отказал одиннадцати женщинам. Причины отказа он писал на обороте моих анкет мелким квадратным почерком, как будто заполнял налоговую декларацию. «Милая, но перебивала птиц». «Милая, но назвала его просто деревом».

Что с ним делать, я понятия не имела. Да и сейчас толком не знала. Но я заметила, что вспомнила именно о нём. А я давно привыкла прислушиваться к тому, кто первым приходит мне в голову.

* * *

— Так, последнее, прежде чем двигаться дальше, — сказала я. — Это правило, и я его не нарушаю. Не обижайтесь.

— Конечно.

— Вы сейчас с кем-нибудь встречаетесь? Пусть несерьёзно. Пусть даже вы сами не уверены.

— Нет, — сказала Делия.

И уставилась в чашку.

— Ну, не то чтобы.

Вот оно.

В моём деле «не то чтобы» — самые дорогие слова на све-

те. За семь лет я нарушила своё правило ровно два раза. Оба раза ради женщин, которые сказали «не то чтобы». И оба раза всё закончилось так, что у меня до сих пор ноют зубы на перемену погоды.

— «Не то чтобы» или «нет»? — уточнила я.

— Это одно свидание. Сегодня вечером. Ерунда, просто ужин. Я утром чуть не отменила. — Говорила она теперь быстрее, как все, кто хочет выпалить всё, пока их не перебили. — Я на прошлой неделе зарегистрировалась в новом приложении. Там сейчас все сидят, его у нас только запустили. Листать никого не надо, оно само всё делает, прогоняет твои ответы через какую-то модель. Помощница заставила меня заполнить анкету. Сто двадцать вопросов. Меня спрашивали, как я отношусь к дождю.

Шея у меня стала деревянной.

— И оно подобрало мне одного человека. Гранта. Он работает с медицинским оборудованием, кажется. Или с чем-то медицинским. Много ездит. Ужасно вежливый. Пишет сообщения целыми предложениями, со знаками препинания. — Она подняла на меня глаза, наполовину смущённые, наполовину… Я знала это «наполовину». Сама когда-то так смотрела. Это надежда. Она крадётся на цыпочках, туфли в руках, только бы никого не разбудить.

— Приложение говорит, что мы совпадаем на девяносто девять процентов.

За окном, на углу Кинг-стрит, к остановке подполз авто-

бус и шумно выдохнул.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

Глава 2. Корни зла

От Кинг-стрит Делия пошла пешком, длинной дорогой. В Сэйбл-Харборе, если честно, других не бывает.

Она заполнила четыре страницы на кремовой бумаге. Рассказала незнакомой женщине про мужчину с собственной солью. Хохотала в крошечном кабинете так, что папоротнику теперь, наверное, нужен психолог. А под конец, когда сваха задала ей один-единственный простой вопрос, ответила «ну, не то чтобы». Так отвечают стоматологу на вопрос, пользуетесь ли вы зубной нитью.

Тесс Кэллоуэй посмотрела на неё, как человек, который читает детектив с последней страницы.

Понравилось ей это или нет, Делия так и не решила. Подозревала, что понравилось. Это и раздражало.

С Ривер-авеню она свернула на свою улочку. Мимо дома с голубыми ставнями и соседа, который вечно эти ставни красит. Мимо кота, который вроде бы ничей, а кормит его вся улица. И вот она, её кондитерская. Витрина в сахарных цветах. И тротуар, расколотый посередине, как уроненная тарелка. Постарался старый дуб у входа: он поднимал плитку корнями медленно, уверенно и уже дольше, чем кто-либо на этой улице жил на свете.

Самую страшную трещину Делия перешагнула не глядя. Ноги сами помнят. Шесть лет тренировки.

* * *

— Так, — сказала Пейдж, едва колокольчик над дверью успел звякнуть. — Рассказывай всё. Она читала твою ауру? Брала тебя за руки? Благовония жгла?

Пейдж было двадцать три года. Она стояла за прилавком четыре дня в неделю, и это благодаря ей у кондитерской завелась страничка в соцсетях с одиннадцатью тысячами подписчиков. Благодаря ей же Делия вообще оказалась в «Девяносто девять». В приложения Пейдж верила так, как бабушка Делии верила прогнозу погоды по телевизору: истово и с лёгким презрением к сомневающимся.

— Был кофе, — сказала Делия. — И анкета.

— Бумажная? Прямо ручкой? — Пейдж растрогалась. — Как в старом кино.

— Четыре страницы.

— В «Девяносто девять» было сто двадцать вопросов.

— В «Девяносто девять» меня спросили, как я отношусь к дождю.

— Потому что это важно, — убеждённо сказала Пейдж. — Алгоритм знает тебя лучше, чем ты сама. В этом весь смысл. Поэтому он тебе Гранта и нашёл.

Делия надела фартук и спорить не стала. Спорить с Пейдж о технике — всё равно что спорить с дубом о тротуаре. Можно, конечно. Только потом чувствуешь себя дурой.

— Кстати, о Гранте. — Пейдж помахала телефоном. —

Он написал. Два раза. Прочитать?

— Нет.

— Читаю.

— Пейдж, это мои сообщения.

— Они на рабочем телефоне. Потому что ты дала ему рабочий номер. Потому что побоялась дать личный. Потому что ты трусиха. — Пейдж мило улыбнулась. — Я просто помогаю.

Делия не успела объяснить ей разницу между помощью и уголовной статьёй: у входа остановилась машина.

* * *

Это был белый городской пикап с гербом на дверце и длинной лестницей на крыше. Он встал наполовину на бордюр, прямо под дубом. Ровно там, где в прошлую субботу миссис Беллами, мать невесты Беллами, зацепилась каблуком за корень и внезапно села на тротуар в своём лучшем льняном платье, сказав при этом слово, которого матери невесты знать не положено.

Сама миссис Беллами не пострадала. Пострадала шляпка.

В тот же день Делия отправила жалобу в городскую администрацию. На это ушли три онлайн-формы, два звонка и сорок минут музыки в трубке, которую она до сих пор могла напеть. Она ни на что не надеялась. В Сэйбл-Харборе тротуары чинят с той же скоростью, что и ямы на дорогах, то есть когда-нибудь, возможно, уже в следующем веке.

И вот, пожалуйста, машина.

Из неё вылез мужчина. Крупный, сложённый так, будто всю жизнь что-то таскает. Рабочие ботинки, выгоревшая кепка, когда-то, видимо, зелёная. Обгоревшие на солнце руки. На плече что-то похожее на кусочек коры. На кондитерскую он не посмотрел. На треснувший тротуар тоже. Он задрал голову, уставился в крону и так и застыл.

Делия наблюдала за ним через витрину. Полминуты. Минуту. Он медленно обошёл ствол, положил ладонь на кору и снова уставился вверх.

— Что он делает? — шёпотом спросила Пейдж.

— По-моему, ждёт, когда дерево с ним заговорит.

— А оно заговорит?

— В этом городе? Всё может быть.

Делия вытерла руки о фартук и вышла.

* * *

— Здравствуйте, — сказала она. — Это я вам звонила. Вернее, сначала заполнила три формы, а потом звонила. Два раза. Я Делия. Это моя кондитерская.

Он скользнул по ней взглядом, как по машине, которая не мешает проехать, и снова повернулся к дереву.

— Вы из города? — сделала она вторую попытку.

— Да.

— По поводу тротуара?

— По поводу дерева.

— Ну и прекрасно. Это одно и то же. — Она показала вниз. — Вот эти корни. Они поднимают весь тротуар. На прошлой неделе здесь упала женщина. Мать невесты. Села прямо на тротуар, у неё вся причёска съехала набок, как верхний ярус у торта на жаре.

Он присел на корточки, провёл пальцами по краю разбитой плитки, там, где сквозь неё пробился корень толщиной с руку Делии, и сидел так невыносимо долго.

— Итак, — сказала Делия. — Когда вы их отрежете?

— Никогда.

Она подождала. Больше ничего не последовало.

— У этого предложения есть продолжение?

— Нет.

— Хорошо, давайте сначала. Здесь спотыкаются люди. Мои клиенты. Ко мне на дегустацию приходят невесты в очень дорогих туфлях, а с ними их мамы в ещё более дорогих туфлях. И однажды кто-нибудь здесь что-нибудь сломает, и это окажется в интернете, потому что Пейдж это снимет.

Из кондитерской донеслось приглушённое: «Не сниму!»

Мужчина выпрямился. Стоя он оказался ещё больше. Впервые он посмотрел на неё по-настоящему, и у Делии возникло странное чувство, что её оценивают. Не как женщину. Скорее как дерево: высота, состояние, видимые повреждения.

— Если я отрежу эти корни, — сказал он, — дерево погибнет.

— Это просто дерево. Их тут полно.

— Таких нет.

— Слушайте, я не сомневаюсь, что это очень хорошее дерево.

— Оно было здесь первым.

— Комары тоже были здесь первыми, — сказала Делия. — Их почему-то никто не охраняет.

В уголке его рта что-то дрогнуло. И тут же исчезло, так что Делия не была уверена. Может, улыбка. А может, комар.

— Сколько лет вашей кондитерской? — спросил он.

— Шесть.

— Этот дуб старше улицы.

— А эта улица старше моего терпения.

Он медленно кивнул, будто она сказала что-то разумное, и пошёл к машине. Делия решила, что на этом всё. Ничего подобного. Он вернулся с баллончиком оранжевой краски и начал размечать тротуар: короткие аккуратные линии вокруг корней, вдоль трещин, до самого бордюра. Ей они ни о чём не говорили.

— Это что?

— Разметка.

— Для чего?

— Для бригады.

— Это значит «да»? Вы его почините?

— Я на него смотрю.

— Вы смотрите на него уже пятнадцать минут.

— Дерево большое.

Делия открыла рот, закрыла его и ушла внутрь, пока не наговорила такого, что следующую жалобу напишут уже на неё.

* * *

Она взбивала масляный крем, причём гораздо яростнее, чем он того заслуживал, когда почувствовала, что в дверях кто-то стоит.

Он стоял на пороге и внутрь не входил, с баллончиком в руке. Через открытую дверь кухни он смотрел мимо неё, на духовые шкафы.

— Вам что-то нужно? — спросила Делия голосом, который обычно приберегала для невест, желающих семиярусный торт к четвергу.

— Дверца духовки, — сказал он.

— Что с ней?

— Открывается не в ту сторону.

Делия уставилась на него.

— Простите?

— Петли со стороны стола. Чтобы достать противень, вам приходится тянуться через дверцу. — Он кивнул на её руки. — Левой. Отсюда ожог.

Делия опустила глаза. Маленький белый шрамик на тыльной стороне левой руки. Он был у неё так давно, что она перестала его замечать. Были и другие, новее, розовее, ровно

на том же месте. И ей ни разу не пришло в голову спросить себя, почему всегда на том же. Она просто решила, что так и выглядят руки кондитера.

Шесть лет. Сотни клиентов. Трое кавалеров, если считать мужчину с солью, а она его не считала. Пейдж, каждый божий день. Родная мать.

Никто ни разу не заметил.

— Я… — сказала Делия. На этом предложение закончилось.

Он кивнул, будто она сказала что-то законченное, и пошёл к машине. На полпути остановился.

— Уитлок, — бросил он через плечо. — Городская служба.

Сел в машину и уехал. А дуб остался стоять, запустив корни в её тротуар, весь в оранжевой разметке и страшно довольный собой.

* * *

— Так, — сказала Пейдж. — Это кто был?

— Этот древесный.

— Я понимаю, что древесный. Я спрашиваю, кто это был. — Пейдж обмахнулась книгой заказов. — А он ничего. Такой суровый. Как будто его выпустили из рекламы бензопил.

— Это была бы очень странная реклама. Он против того, чтобы пилить.

— Тем более интересно.

— Спасибо, Пейдж.

Делия вернулась к крему. На левую руку она не смотрела. И уж точно не стала открывать дверцу духовки, разглядывать петли, закрывать и открывать снова.

— Короче, — Пейдж подняла рабочий телефон, — сосредоточься. Грант. Он забронировал столик. Половина восьмого, Харбор-стрит, тот шикарный ресторан со свечками в баночках. И пишет… — Пейдж откашлялась и прочла голосом героини мелодрамы: — «Считаю часы до встречи с моими девяноста девятью процентами».

И прижала телефон к груди.

— Покажи ещё раз его фотографии, — сказала Делия и тут же пожалела.

Пейдж не надо было просить дважды. Она провела пальцем по экрану, и вот он. Грант на яхте, красиво щурится на ветер. Грант в тёмно-синем костюме на чьей-то свадьбе, с бокалом шампанского, будто с ним и родился. Грант смеётся чему-то за кадром, рядом золотистый ретривер, который, как Пейдж уже успела выяснить, вовсе не его.

— А собака чья? — спросила Делия.

— Какая разница? Ты на зубы посмотри.

Делия посмотрела на зубы. Зубы были отличные. В нём всё было отличное. Он был похож на мужчину с рекламы зубной пасты: улыбается тебе с рекламного щита у шоссе, а ты проезжаешь мимо и через милю уже не помнишь его лица.

— Симпатичный, — сказала она.

— Симпатичный?! — Пейдж задохнулась от возмущения. — Делия. У него девяносто девять процентов. Знаешь, какое у меня было лучшее совпадение? Шестьдесят два. И тот тип съел мою картошку, даже не спросив.

— Тревожный звоночек.

— Это не звоночек, это набат. — Пейдж отложила телефон и оглядела её с профессиональной тревогой. — Ты в чём сегодня пойдёшь?

— В этом?

Делия оглядела себя. Сабо. Фартук. Пятно крема на бедре: до сих пор она его не замечала, а теперь не могла отвести от него глаз.

— Ни в коем случае, — отрезала Пейдж. — Зелёное платье.

— Зелёное платье для свадеб.

— Ты за десять лет была на пяти свадьбах. Твоё зелёное платье плачет в шкафу. Выпусти его на волю.

— Я подумаю.

— Ты его наденешь. И накрасишь губы. И ни при каких обстоятельствах не расскажешь ему, как уронила торт Хендриксов на парковке.

— Это был один ярус.

— Это был верхний ярус. С фигурками. Голова жениха укатилась под машину.

Возразить на это Делии было нечего. Да и никто бы не

смог.

— Он пишет полными предложениями, — сказала Делия. — Со знаками препинания.

— Он идеальный.

— Идеальный, — согласилась Делия.

И это была правда. На бумаге. На экране. Во всех ста двадцати ответах, судя по всему.

Мои девяносто девять процентов. Мило. Определённо мило.

И немножко похоже на номерок в гардеробе.

Делия вернулась к крему и сказала себе, что думать так глупо.

А за окном в предвечернем солнце горела на тротуаре оранжевая разметка. Ровным кругом вокруг корней.

Глава 3. Идеальный мужчина

Делия надела зелёное платье.

Она не собиралась. Она собиралась надеть тёмно-синее, надёжное, которое как бы говорит: «Я взрослая женщина, у меня свой бизнес и здоровые отношения с сахаром». Но Пейдж встала в дверях крошечной подсобки, скрестив руки, как охранник в ночном клубе, и в конце концов проще было надеть зелёное, чем объяснять двадцатитрёхлетней девице, почему она его боится.

Губы она тоже накрасила. Потом стёрла. Потом накрасила снова: с помадой всегда так, стоит один раз накраситься, и без неё ты уже как будто раздетая.

В семь двадцать пять она стояла на Харбор-стрит у ресторана со свечками в баночках. На пять минут раньше. В Сэйбл-Харборе это почти неприлично.

Грант был уже там.

* * *

Он стоял у двери, засунув руки в карманы, и, увидев её, улыбнулся. И Делия сразу поняла, почему «Девяносто девять» поставило его первым.

Он был точь-в-точь как на фотографиях. Так почти не бывает. Обычно мужчина на фото — это его младший брат. Или он сам, но десять лет и один развод назад. Или он

в очень выгодном освещении на чужой яхте. А Грант был Грантом. Высокий, загорелый, хорошая стрижка, тёмно-синий пиджак поверх белой рубашки с расстёгнутым воротом. Зубы настоящие. Она проверила.

— Делия, — произнёс он так, будто её имя было маленьким приятным сюрпризом, который он носил с собой весь день. — Вы потрясающе выглядите.

— Спасибо. Вы тоже. То есть вы выглядите… хорошо. Потрясающе. Тоже.

Он рассмеялся. Смех был приятный, тёплый, ровный, из тех, что точно знают, сколько им длиться.

Он придержал дверь. Отодвинул ей стул. Спросил официанта про рыбу так, что официант невольно выпрямился. Заказал бутылку белого, не взглянув на цену, а потом участливо поинтересовался, любит ли она белое или, может быть, предпочитает что-то другое.

— Белое — отлично, — сказала Делия.

— Чудесно, — сказал Грант. — Значит, мы уже совпадаем во вкусах. Хороший знак для нас.

Для нас. Делия отпила воды и попыталась вспомнить, когда мужчина последний раз говорил «мы» на первом свидании. Мужчина с солью сказал «я» сорок один раз. Она считала. Надо же было чем-то заняться.

* * *

Первый час пролетел, как хороший фильм в долгом пере-

лёте.

Грант задавал вопросы. Правильные, из тех, что советуют в статьях. Чем вы любите заниматься в свободное время. Где вы выросли. Какое путешествие было лучшим в вашей жизни. Он слушал, подперев подбородок рукой, и кивал в нужных местах. О себе рассказывал аккуратными, приятными абзацами. Вырос в Виргинии. Любит ходить под парусом. Любит собак. Был женат, рано, не сложилось, но они остались друзьями, и он желает ей только счастья.

— А чем именно вы занимаетесь? — спросила Делия. — В приложении было написано просто «медицина».

— Медицинское оборудование. — Он отмахнулся, словно от чего-то скучного. — В основном диагностика. Продажи. Больницы, клиники, конференции. Честное слово, это самое неинтересное во мне. На следующей неделе я в Атланте, потом в Нэшвилле. Живу на чемодане. — Он наклонился к ней. — Расскажите лучше про торты. Вот что я хочу услышать.

И она рассказала про торты.

Про ту сторону, которую никто не видит: будильник в три часа ночи, масляный крем, который в августе может предать в любую минуту, невесту, которая хотела торт по рецепту покойной бабушки, а бабушкин рецепт оказался готовой смесью из пакета. Она разговорилась. Ей правда стало весело. И где-то на втором бокале, вопреки прямому запрету Пейдж, она рассказала ему про свадьбу Хендриксов.

— И вот верхний ярус у меня в коробке, в руках, я иду

через парковку, жара страшная, самый жаркий день в году, и я на что-то наступаю, до сих пор не знаю на что, может, на змею, может, на чей-то шлёпанец, и коробка просто… летит. И фигурки вываливаются. И у жениха отваливается голова и катится, клянусь вам, прямо под чью-то машину.

— Чудесно, — сказал Грант с улыбкой.

Делия ждала.

На этом месте история кончалась. На этом месте люди кричали, закрывали лицо руками или спрашивали, что стало с головой. Пейдж плакала настоящими слезами. Сам жених хохотал так, что ему пришлось сесть на бордюр.

Грант приятно улыбался, как мужчина в рекламе чего-то очень дорогого.

— Это была катастрофа, — сказала Делия.

— Конечно. Но вы справились. Я вижу, что вы женщина, которая справляется. — Он протянул руку через стол и легко, на секунду, коснулся её руки. — В таких глазах можно утонуть, вы знаете?

Делия не знала. Никто ей такого не говорил. Она почувствовала, что краснеет, и это раздражало: ей тридцать два года, она видела, как взрослые мужчины плачут над мастикой.

— Спасибо, — сказала она.

— Я серьёзно, — сказал Грант. И сказал это так просто, что она почти поверила, будто до него этих слов не говорил никто и никогда.

* * *

Между рыбой и десертом она извинилась и вышла в дамскую комнату, в основном чтобы посмотреть на свои глаза.

Глаза были как глаза. Карие. Немного усталые. Слева чуть размазана тушь: в четыре утра она потёрла веко и забыла. Ничего такого, в чём можно утонуть, она в них не обнаружила. Впрочем, подумала Делия, так, наверное, и задумано. В собственных глазах не тонут. Для этого существуют другие люди.

В телефоне было одиннадцать сообщений от Пейдж.

«НУ???»

«он такой же красивый как на фото»

«ты рассказала про Хендриксов»

«ДЕЛИЯ»

«рассказала?»

«моргни два раза если рассказала»

Делия напечатала: «Он идеальный».

Ответ пришёл раньше, чем она успела убрать телефон:

«идеальный как торт на витрине или идеальный как торт на витрине который из пенопласта»

Делия посмотрела на экран. Потом убрала телефон в сумочку, не ответив, подкрасила губы и строго сказала своему отражению, что торт настоящий.

Когда она вернулась, на её месте стоял крем-брюле с двумя ложечками.

— Я взял на себя смелость, — сказал Грант. — Что-ни-

будь сладкое для женщины, которая делает мир слаще.

Жест был очаровательный. Делия взяла ложечку и разбила корочку. И профессиональная часть её мозга, которая ни разу в жизни не брала выходной, отметила сразу три вещи. Сахар с одного бока пережжён горелкой. Крем чуть зернистый: его перегрели и понадеялись, что никто не заметит. А ваниль не ваниль, а ванилин из бутылочки, со вкусом дешёвого освежителя воздуха «Домашняя выпечка».

Она всё равно доела. Ресторан не виноват, что у неё такая профессия.

— Вкусно? — спросил Грант.

— Прелесть, — улыбнулась Делия и ничего не сказала про ванилин. Никто не хочет встречаться с женщиной, которая пишет рецензию на десерт.

И всё-таки забавно, подумала она, сколько можно понять по одному крем-брюле. Старался кто-то или нет. Схалтурил ли кто-то в надежде, что никто не заметит. С едой она это видела всегда.

Жаль, подумала она, что у людей нет сахарной корочки, по которой можно постучать ложечкой.

* * *

Счёт он ей даже не показал. Когда она потянулась к сумочке, он снова положил ладонь на её руку и сказал: «Прошу вас. Позвольте мне. Это лучший вечер за много месяцев». И спорить было уже неловко.

На улице было тепло и мягко, как бывает после заката, когда жара чуть отпускает, но не уходит. Где-то цокала копытами последняя коляска с туристами. На углу уличный саксофонист фальшивил с таким воодушевлением, что хотелось дать ему денег за одну только смелость.

— Можно я отвезу вас домой? — спросил Грант.

— Я живу рядом. Хочу пройтись.

— Тогда провожу вас до угла. Я человек старомодный. — Он предложил ей руку. Самым настоящим образом, как в чёрно-белом кино. И она взяла его под руку, потому что что ещё делать с предложенной рукой.

На углу он остановился и повернулся к ней.

— Я хотел бы снова вас увидеть, — сказал он. — Скоро. До Атланты, если позволите.

— С удовольствием.

— Можно ваш номер? Настоящий, я имею в виду. — Он улыбнулся. — Подозреваю, что рабочий телефон читает некая Пейдж.

Делия засмеялась и продиктовала номер. Он аккуратно вбил его, дважды проверил, а потом, вместо того чтобы поцеловать её, поднёс к губам её руку. Левую. Прямо над шрамом.

Шрама он, кажется, не заметил.

— Доброй ночи, Делия, — сказал он. — Я очень рад, что математика не ошиблась.

* * *

Домой она шла медленно, в зелёном платье, с привкусом хорошего вина во рту. Туфли к концу второго квартала она уже несла в руке.

Вечер был чудесный. Объективно, лучшее свидание за два года. Красивый, добрый, внимательный, щедрый. Он сказал «мы». Он поцеловал ей руку. Он сказал про её глаза так, что захотелось немедленно найти зеркало и проверить.

Тогда почему у неё было чувство, будто она посмотрела отличный рекламный ролик про свидание, а не сходила на него?

Глупости. Устала. Избаловалась плохими свиданиями настолько, что хорошее кажется подозрительным. Как бисквит, который поднялся слишком ровно: так и ждёшь, что он сейчас опадёт посередине.

Она свернула на свою улицу. Ничейный кот спал на крыльце у соседа с голубыми ставнями. Дуб нависал над тёмной кондитерской с видом полноправного хозяина, и, судя по позиции городских властей, так оно более или менее и было.

А на двери что-то белело.

Лист бумаги, приклеенный скотчем по углам. В свете фонаря Делия прочла его, стоя босиком на треснувшем тротуаре, с туфлями в руке.

Официальное уведомление с городским гербом наверху. Ремонт тротуара по данному адресу, говорилось в нём, будет перепроектирован с учётом корневой зоны существующего

дуба. Работы начнутся в установленный срок. Дерево сохраняется. С вопросами обращаться к городскому арбористу.

А ниже, от руки, мелким квадратным почерком, очень аккуратно, будто заполняли налоговую декларацию:

С. Уитлок.

Делия стояла так долго.

Дерево сохраняется. Ну разумеется, дерево сохраняется. У дерева, похоже, был собственный адвокат. С мелким квадратным почерком, без всяких манер и с привычкой смотреть на её духовку так, словно он с ней лично знаком.

Она сорвала уведомление с двери. Она собиралась его выбросить. Она совершенно точно собиралась скомкать его и выбросить, а завтра снова позвонить в город и на этот раз потребовать его начальника.

Вместо этого она сложила лист пополам и унесла домой.

* * *

Наверху, в своей квартирке, она сидела на краю кровати в зелёном платье, с уведомлением на коленях.

Зажужжал телефон.

«Спасибо за чудесный вечер, Делия. Не могу перестать думать о вашей улыбке. Спокойной ночи, пусть вам приснится что-нибудь сладкое. Уже считаю дни. Грант».

Полные предложения. Безупречная пунктуация. Ни одной опечатки. Прекрасное сообщение. Такие сообщения женщины сохраняют и пересылают подругам с семнадцатью вос-

клицательными знаками.

Делия прочла его один раз.

А потом опустила глаза на колени и в третий раз перечитала одну-единственную строчку мелким квадратным почерком.

С. Уитлок.

Она сказала себе, что просто проверяет, правильно ли он пишет свою фамилию.

Глава 4. Условия пари

У меня есть система для звонка на следующий день после свидания.

Звоню я ровно в девять пятнадцать. К этому времени клиентка успевает выспаться, но ещё не успевает сочинить себе удобную версию событий.

Я считаю гудки. Если трубку берут после первого, значит, было либо чудесно, либо ужасно, и в обоих случаях она сидит с телефоном на коленях с семи утра. Два-три гудка — нормальный человек. Четыре и больше — сейчас мне подробно расскажут про погоду.

Делия ответила, не дождавшись конца первого гудка.

— Он идеальный, — сказала она.

— И вам доброе утро.

— Простите. Доброе утро. Он идеальный, Тесс. Точь-в-точь как на фотографиях. Отодвинул мне стул. Сам выбрал вино. Сказал «мы». Поцеловал мне руку. Руку! Кто так делает?

— Мужчины в кино, — сказала я. — И мужчины, которые насмотрелись кино.

— Он задавал вопросы. Слушал. Заплатил. Проводил до угла. Прислал сообщение на ночь, и там были запятые.

— Запятые, — сказала я. — Ну, тогда, конечно, под венец.

Она засмеялась, но вчерашнего смеха в этом не было. Я

написала в блокноте «запятые» и обвела слово рамочкой. Не знаю зачем. Я всегда так делаю со словами, которые мне чем-то не нравятся.

— А про торт вы ему рассказали? — спросила я. — Про тот, с головой?

Пауза.

— А откуда вы знаете про голову?

— Вы мне вчера рассказали. Два раза.

— А. Да. Рассказала.

— И?

Пауза подлиннее.

— Он сказал: «Чудесно».

Я положила ручку.

— Чудесно, — повторила я.

— Наверное, просто из вежливости. История странная. Не все понимают. — Это она проговорила очень быстро, как будто торопливо заметала крошки под ковёр. — Да неважно. Главное, что я хотела вам рассказать, — это про лесника.

* * *

Следующие девять минут были целиком посвящены леснику.

Я не преувеличиваю, я смотрела на часы. Самому идеальному свиданию своей взрослой жизни Делия уделила две минуты, а городскому служащему, который отказался резать корни дуба у её кондитерской, — девять.

Он пятнадцать минут смотрел на дерево. Отвечал одним словом. Сравнил её с комаром, или это она сравнила дерево с комаром, она уже сама не помнила, кто начал. Разрисовал ей тротуар оранжевой краской. Сказал что-то про её духовку, о чём она не хотела говорить. А вчера вечером, после самого идеального свидания в её взрослой жизни, она пришла домой и нашла на двери официальное уведомление: дерево сохраняется.

— И подписано, — сказала она, — одной буквой. Как в записке с угрозами. «С. Уитлок».

Я рисовала в блокноте завитушки. И перестала.

— Уитлок, — сказала я.

— Вы его знаете?

— Крупный? Молчаливый? Смотрит на деревья так, будто они ему денег должны?

— Господи, вы его знаете.

— Город маленький, — сказала я. Так в Сэйбл-Харборе говорят, когда не хотят объяснять, откуда что знают. — Делия, мне пора бежать, у меня в десять встреча. Я очень рада, что вечер удался. Позвоню вам позже.

— Вы какая-то странная.

— Я всегда странная. Это входит в услугу.

Я положила трубку. Встала, пошла в заднюю комнату, открыла длинный ящик и засунула руку до самого дна.

Папка лежала там же, где я её оставила. Сэмюэл Уитлок. Тридцать шесть лет. Городской арборист. Одиннадцать зна-

комств за полтора года, одиннадцать отказов. Каждый объяснён на обороте анкеты обратной связи мелким квадратным почерком, будто выведенным по линейке.

«Милая, но перебивала птиц».

«Милая, но назвала его просто деревом».

Я стояла в задней комнате с папкой Сэма Уитлока в руках и чувствовала то, что чувствую от силы пару раз в год. Это не мурашки. Это как в пазле: долго вертишь деталь с кусочком неба, а потом она вдруг встаёт на место, и всё небо разом складывается.

В знаки я не верю. Я профессионал. Но я профессионал, который давно усвоил: если судьба суёт тебе в руки папку, папку надо открыть.

* * *

Раз уж мы знакомимся, должна кое в чём признаться.

В моём деле у меня одно правило, и в первый же день я рассказала о нём Делии: я не беру клиентов, которые уже с кем-то встречаются. Это не мораль, это практика. Если ты с кем-то встречаешься, часть тебя всё ещё ждёт, чем это кончится. А знакомиться с новым человеком частью себя нельзя. Это как пытаться танцевать, когда одна нога у тебя ещё в соседней комнате.

За семь лет я нарушила это правило дважды.

Со вчерашнего дня, с десяти пятнадцати, — трижды.

Я не решала его нарушить. С правилами всегда так. Ты ни-

когда не решаешь. Ты просто однажды замечаешь, что правило разбито, а осколки почему-то у тебя в ладонях.

* * *

Без десяти десять заскрипела лестница.

Моя лестница скрипит по-особенному. Четвёртая ступенька, потом седьмая, а одиннадцатая протяжно стонет, как будто у неё радикулит. Клиенты поднимаются медленно, держась за перила. Миссис Олбрайт поднимается мелкими сердитыми шажками. Курьеры скачут через ступеньку, а потом стоят у меня в дверях и пыхтят.

Эти шаги были ровные. Неторопливые. Каждый на одном и том же расстоянии от предыдущего.

Я знала эти шаги. Четыре года я слушала, как они возвращаются домой по вечерам. И слышала, как они уходят.

Сначала в кабинет вплыл запах «Персикового рая», а следом в дверях появился Уэс.

Он ничуть не изменился. Это была первая несправедливость. Пять лет, другое побережье, целая компания, а он выглядел точно так же, как будто его аккуратно сложили и хранили в шкафу с лавандой. Высокий. Поджарый. Тёмные волосы коротко подстрижены. Белая рубашка, рукава закатаны ровно на два оборота, на обеих руках одинаково, чтобы, не дай бог, левая не загорела сильнее правой.

Он посмотрел на меня. Потом обвёл взглядом комнату. Потом посмотрел на папоротник.

— Живой, — сказал он.

— И тебе доброе утро.

— Доброе утро, Тесс. — Он кивнул на папоротник. — Я давал ему год. Максимум полтора.

— Он крепче, чем кажется, — сказала я. — У нас с ним это общее.

Он чуть не улыбнулся, но в последний момент удержался. Он всегда это умел: придержать улыбку, как козырь, который ещё рано выкладывать.

Я посмотрела на его джинсы.

— Всё гладишь?

— Глаженые лучше смотрятся.

— Это джинсы, Уэс. Они должны выглядеть так, будто в них жили.

— Я в них и живу. Аккуратно.

* * *

Сел он только после того, как я предложила, и это тоже было по-старому. В левое кресло, клиентское, закинув ногу на ногу. И на одну ужасную секунду мне показалось, что сейчас воскресное утро десятилетней давности и ничего ещё не случилось.

— Ты не ответила на моё сообщение, — сказал он.

— Была занята.

— Чем?

— Смотрела на автобус.

Это до него дошло. Уголок рта дрогнул.

— Я пытался предупредить.

— Ты предупредил после того, как я его увидела.

— Во время. Автобус пришёл раньше. Автобусы здесь никогда не приходят раньше. — Он пожал плечами. — Я этого не учёл.

— Что-то пошло не по твоим расчётам? — сказала я. — Отмечу в календаре. Красный день.

— Я пришёл просто поздороваться по-человечески, — сказал он. — Вот и всё. Не хотелось, чтобы наша первая встреча состоялась на боку транспортного средства.

— Очень мило. Здравствуй. Поздоровался. А теперь, если не возражаешь, мне надо работать. У меня, оказывается, появился конкурент.

— Я тебе не конкурент.

— Ты стоишь на автобусе у меня под окном и объясняешь всему городу, что любовь — это математика.

— Так и есть. В основном. — Он чуть склонил голову. — «Девяносто девять» не против того, что делаешь ты, Тесс. Оно делает то же самое, только без гадания на кофейной гуще.

Вот оно. То самое. Старое-престарое.

Я могла бы пропустить это мимо ушей. Я взрослая женщина. У меня в десять встреча. Но, как выяснилось, я ровно так же мелочна, как пять лет назад. А у меня в руках была папка.

— Твоё приложение, — сказала я, — прямо сейчас сводит мою клиентку с мужчиной, который подходит ей, по его словам, на девяносто девять процентов. И оно ошибается.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и всё.

— Знаешь, и всё. — Он сказал это без малейшего ехидства, и от этого было только хуже. — Ты знаешь, сколько данных уходит на одно совпадение, Тесс? Сто двадцать ответов. Взвешенных, перепроверенных, сверенных с тысячами пар, которые остались вместе. А ты видела её один раз.

— Два. Один раз по телефону.

— А его?

— Ни разу.

— Ну вот.

— Ну вот, я права, — сказала я.

Уэс долго смотрел на меня. Потом снял ногу с колена и подался вперёд, упёршись локтями в колени. Точно так же он раньше наклонялся через кухонный стол, когда собирался выиграть спор о какой-нибудь полной ерунде.

— Пари? — сказал он.

* * *

Надо было сказать «нет». Теперь я это понимаю. Понимала и тогда.

— Какое пари?

— Честное. Измеримое. — Ну разумеется. — Ты счита-

ешь, что у тебя есть кандидат получше.

— Возможно.

— Тогда пусть он пройдёт мою анкету. Целиком, все сто двадцать вопросов. Найдёт её в приложении, и оно покажет ему процент. Он пришлёт тебе скриншот, ты перешлёшь мне. Я ничьих личных данных не вижу, а тебе не придётся прикасаться к моему приложению своими руками. — Он помолчал. — Если моя модель скажет «нет», а они всё равно будут вместе, ты выиграла.

— А если не будут?

— Значит, математика была права, и ты ведёшь меня ужинать. — Он дал этому повисеть в воздухе. — И говоришь это вслух.

— Что?

— Три слова. «Ты был прав».

Я рассмеялась. Не удержалась.

— Ты перелетел через всю страну, чтобы услышать от меня «ты был прав»?

— Я не за этим перелетел через всю страну, — сказал он. — Это приятный бонус.

— А если выиграю я?

— Тогда я веду тебя ужинать. И говорю это.

Он смотрел мне в глаза. Спокойно. Терпеливо. Глаза у него серые, надо сказать, как вода в гавани перед грозой. Когда-то я точно знала, что означает каждый их оттенок. С тех пор я разучилась.

Гордыня никогда не выглядит как гордыня. Она выглядит как правота.

— Хорошо, — сказала я.

— Хорошо?

— Хорошо. Договорились. Твоя анкета, твой процент, мой кандидат. — Я протянула ему руку. — И когда я выиграю, ресторан выбираю я. И он будет очень дорогой.

Он пожал мне руку. Ладонь у него была тёплая, сухая и точно такая же, как раньше, и свою я забрала чуть быстрее, чем требовалось.

Он встал. Разгладил свои глаженые джинсы, которые ни в каком разглаживании не нуждались. В дверях обернулся.

— Так кто твой кандидат?

Я подумала о Сэме Уитлоке, который описывал женщин одной фразой и однажды отказал прелестной воспитательнице детского сада за то, что она назвала магнолию кустом.

— Человек, — сказала я, — которому твоя анкета понравится ещё меньше, чем мне.

Глава 5. Деревьям нужно

Где-то в дубе сидел каролинский крапивник, и Сэм никак не мог его найти.

Слышно его было прекрасно. Его слышал весь квартал. Каролинский крапивник размером с грецкий орех, а орёт так, будто ему платят за громкость. Двадцать минут он заливался где-то совсем рядом, над левым плечом Сэма, и стоило повернуть голову, как он перепрыгивал на другую ветку.

Сэм висел на высоте двенадцати метров в страховочной обвязке, с ножовкой на поясе, упираясь ботинком в ветку, которая засохла как минимум два лета назад. Встал он в пять. Он всегда вставал в пять. Лучший час, чтобы слушать дерево, — тот, что перед тем, как проснётся город: слышно, как древесина оседает и потрескивает, нагреваясь, и никто ни о чём тебя не спрашивает. К девяти появляются бегуны, к десяти — коляски, а к одиннадцати, как выяснилось, свахи.

Ветка нависала над дорожкой в сквере Холлис, и рано или поздно она рухнула бы кому-нибудь на коляску. Его задача была сделать так, чтобы она не рухнула ни на кого. В этом, если подумать, и состояла почти вся его работа: решить, чем пожертвовать, чтобы всё остальное осталось стоять.

Крапивник снова завёл свою трель.

— Знаю, — сказал Сэм. — Слышу.

В нагрудном кармане зажужжал телефон.

Во время распила он не отвечал. Никогда. Он допилил, спустил ветку на верёвке, проследил, как она легла на траву, и только тогда достал телефон.

Звонила Тесс Кэллоуэй.

Он подумал, не сбросить ли. Он думал об этом каждый раз. И каждый раз отвечал, потому что если не ответить, она перезвонит. А если не ответить и тогда, она его найдёт. Однажды она нашла его у стоматолога.

— Я на дереве, — сказал он.

— Знаю, — сказала Тесс. — Посмотрите вниз.

Он посмотрел вниз.

Она стояла на дорожке, двенадцатью метрами ниже, в синем платье и туфлях без каблука, прикрывая глаза ладонью от солнца и размахивая телефоном. Волосы у неё делали то, что делали каждый день к одиннадцати утра: пытались сбежать.

Крапивник тут же замолчал.

Даже птица, подумал Сэм, сообразила, что сейчас лучше помолчать.

* * *

Спускался он медленно. Он ни для кого не торопился, а для Тесс особенно: она бы приняла это за поощрение.

— Сэм! — тепло сказала она, едва его ботинки коснулись травы. — Прекрасно выглядите. Свежо. Очень… на природе.

— Это сквер.

— У меня для вас кое-кто есть.

— Нет.

— Вы же ещё ничего о ней не слышали.

— Нет, — повторил Сэм, отстёгивая верёвку.

Тесс ему нравилась. В этом и была беда. Она понравилась ему с первого раза, когда села напротив в своём кабинетике с папоротником и спросила, что он делает по воскресеньям. Он ответил: «Деревья». И она не засмеялась, а записала. Она была единственным человеком в его жизни, кто принимал его молчание за информацию, а не за грубость. Говорила она за двоих, и в этом была своя прелесть, с ней можно было отдохнуть. И за полтора года она познакомила его с одиннадцатью женщинами. Все до одной были милые. И все до одной не те.

Он не знал, как объяснить ей, что двенадцатая ему не нужна. Ему нужна одна. И не обязательно милая. Ему нужна та, которая услышит птицу.

— Ладно, — сказала Тесс. — Тогда скажу вам как есть.

Такого он от неё ещё не слышал. Сэм перестал сматывать верёвку.

— Мне не нужно, чтобы вы шли на свидание, — сказала она. — Пока не нужно. Мне нужно, чтобы вы заполнили анкету.

— Я заполнял вашу анкету.

— Не мою. — Она подняла телефон. На экране был тём-

но-синий квадрат с красным «99» в кружочке. — Его.

— Чью?

Тесс набрала воздуха, как набирают его люди, которые решили сказать что-то вслух ровно один раз.

— Моего бывшего мужа, — сказала она. — Он сделал приложение для знакомств. Оно на автобусах. Я поспорила с ним, что оно ошибается. Мне нужно, чтобы вы это доказали.

* * *

Сэм долго смотрел на неё.

Бывает, дерево пережило бурю и стоит, но если присмотреться, где-то глубоко внутри у него трещина, и оно держится. Он не знал, почему вспомнил об этом, глядя на Тесс. Что-то было в том, как она держала телефон: очень крепко, будто он мог вырваться и убежать.

— Пари, — сказал он.

— Пари.

— С бывшим мужем.

— Да.

— Про меня.

— Про вас и одну женщину. Про то, кто прав: его математика или моё чутьё. — Она вздёрнула подбородок. — Сугубо профессиональный вопрос.

— Не похоже.

— Немножко личный, — призналась Тесс. — Но в основном профессиональный.

Сэм домотал верёвку. Перекинул бухту через плечо. Посмотрел вверх, на дуб, где крапивник снова завёлся, уже подальше, будто они оба ему наскучили.

— Нет, — сказал он.

— Если вы это сделаете, — сказала Тесс, — целый месяц я не пришлю вам ни одной кандидатки.

Сэм замер.

Месяц. Никаких четвергов на неудобных ресторанных стульях, когда тебя спрашивают, кто ты по гороскопу. Никаких анкет обратной связи. Никаких звонков от Тесс в семь утра голосом человека, который нашёл тебе выигрышный лотерейный билет.

— Два месяца, — сказал он.

— Шесть недель.

— Два месяца. И никакого стоматолога.

— Это было один раз, — сказала Тесс. — Ладно. Два месяца. Садитесь.

* * *

Скамейка стояла по другую сторону дуба, и они пошли к ней не спеша. Тесс осторожно переступала корни в своих туфлях без каблука, как переходят ручей по камушкам.

— Как его зовут? — спросил Сэм.

— Кого?

— Бывшего мужа.

— Уэс. — Она произнесла это так, как называют город, в

котором когда-то жили. — Вообще-то Уэсли, но на «Уэсли» он не откликается с третьего класса. Гладит джинсы. Расставляет по алфавиту то, что расставлять по алфавиту совершенно незачем. Однажды составил таблицу, чтобы выбрать диван. Таблица выбрала чудовищный диван, и он его купил, потому что цифры есть цифры.

— Диван был плохой?

Тесс остановилась.

— Нет, — сказала она с досадой. — Это был самый удобный диван в моей жизни. До сих пор по нему скучаю.

Сэм промолчал. Молчать он умел, это у него получалось лучше всего после деревьев. И он кое-что заметил, так же, как замечал трещину в коре или ветку, которая тянется не к тому свету. Целую минуту Тесс ругала бывшего мужа и всё это время улыбалась.

— Он вам до сих пор нравится, — сказал Сэм.

Тесс посмотрела на него так, будто вдруг заговорил дуб.

— Мне нравится папоротник, — сказала она. — Это другое.

— Какой папоротник?

— Неважно. Садитесь. Отвечайте на вопросы. — Она указала на скамейку, как учительница на парту. — И, Сэм. Будьте собой.

— Я всегда собой.

— Знаю, — сказала Тесс. — Поэтому я к вам и пришла.

* * *

Скамейка под дубом нагрелась на солнце. Тесс устроилась на одном её конце, закинув ногу на ногу, и глаза у неё горели. Сэм сел на другом конце, так далеко, как позволяла скамейка, и держал телефон в своих больших ладонях осторожно, как птенца, выпавшего из гнезда.

Приложение задало ему сто двадцать вопросов.

Он ответил на каждый. Честно. Смысла отвечать иначе он не видел.

«Как бы вас описали друзья?»

«Спросите у них».

«Ваше идеальное первое свидание?»

«На улице».

«Вы жаворонок или сова?»

«Ни то ни другое. Крапивник».

«Что вас больше всего раздражает в людях?»

«Перебивают птиц».

«Какой суперспособностью вы хотели бы обладать?»

«Терпение. Уже есть. Как раз пользуюсь».

«Что вы больше всего цените в партнёре?»

«Умение слушать».

«Кем вы видите себя через пять лет?»

«Тем же. Выше на два метра».

Тесс читала через плечо. Делать вид, что не читает, она перестала где-то на одиннадцатом вопросе. К сороковому она уже издавала тонкий, сдавленный восторженный писк, кото-

рый всё пыталась проглотить.

«Опишите себя в трёх словах».

Сэм подумал. Посчитал на пальцах.

«Не люблю анкеты».

Тесс закрыла лицо руками.

«Как вы относитесь к дождю?»

Над этим ему даже думать не пришлось.

«Деревьям нужно».

— Уэса хватит удар, — простонала Тесс в ладони. — Сэм, вы чудо. Я бы вас расцеловала, если бы вы не были весь в опилках.

— Всё?

— Почти. Ещё одно.

Она очень бережно взяла у него телефон, что-то набрала в строке поиска и вернула.

* * *

На экране была женщина.

Она стояла за прилавком в фартуке и смеялась, глядя на кого-то в сторону. Тёмные волосы стянуты так туго, что, казалось, ей должно быть больно. На щеке белое пятнышко. Мука или сахарная пудра. Левой руки видно не было: она держала её за спиной, как держат люди, которые не знают, что что-то прячут.

Под фотографией аккуратными красными цифрами приложение всё за них посчитало.

41%.

На цифру Сэм посмотрел примерно секунду.

На женщину гораздо дольше.

Кондитерская. Тротуар. Корни, выпирающие из плитки, как костяшки кулака. Дверца духовки на петлях не с той стороны, так что каждый раз приходится тянуться через жар. Ожог на тыльной стороне левой руки. Не один ожог. Целый ряд, старые и новые, все на одном и том же месте, как календарь, который никто не догадался прочитать.

Он думал об этой руке два дня. В машине, в строительном магазине, здесь, на дереве, на высоте двенадцати метров, пока крапивник над ним потешался. Ему не нравилось, что он о ней думает. Он не знал, что с этим делать. Это не его духовка. Не его дело. Она сравнила его с комаром.

«Делия Хаскелл», — сообщал экран.

— Ну? — сказала Тесс. Она смотрела ему в лицо. Она всегда смотрела людям в лицо. Это была её работа, и делала она её хорошо, и у Сэма возникло неприятное чувство, что на этот раз она увидела там что-то раньше, чем он сам.

Он отдал ей телефон.

— Она хочет обрубить мне корни, — сказал он.

Тесс взяла телефон, посмотрела на сорок один процент, посмотрела на Сэма и улыбнулась медленной, широкой улыбкой женщины, у которой в пазле только что сошлось всё небо.

— Прекрасно, — сказала она.

Глава 6. Человек, не оставляющий следов

Скриншоты я отправила Уэсу в четверг, без четверти семь вечера. Сидела за столом без туфель, с бокалом вина, который, по-моему, заслужила.

Отправила всё. Сэм разрешил: я спросила его ещё на скамейке, а он пожал плечами и сказал: «Отправляйте ему что хотите. Там в основном про деревья». Так что ушли все сто двадцать ответов Сэма Уитлока, плюс последний экран с фотографией Делии и маленькой красной цифрой под ней. Сорок один процент. Без единого слова от себя. Слова были не нужны. Некоторые вещи говорят сами за себя, а анкета Сэма даже не говорила, а скорее откашлялась и вышла из комнаты.

Потом я положила телефон на стол экраном вверх. Это была демонстрация, и меня это вполне устраивало. И стала ждать.

Прошло одиннадцать минут. Подозреваю, что он перечитал всё дважды. Уэс всё читает дважды, даже инструкцию к чайнику.

«Жаворонок или сова: „Крапивник“».

Минуту спустя:

«Суперспособность: „Терпение. Уже есть. Как раз пользуюсь“».

Потом какое-то время ничего. Я потягивала вино. Под окном остановился автобус и выдохнул, и я подняла в его честь бокал.

«Тесс. Это не анкета. Это объяснительная».

И почти сразу:

«„Опишите себя в трёх словах“. Он написал: „Не люблю анкеты“. Три слова, тут не поспоришь. Но это оскорбление статистики».

Я хохотала так, что пришлось поставить бокал.

Отвечать я не стала. Пусть помучается. Пять лет назад он мог часами не отвечать на мои сообщения, потому что был «занят», то есть сидел в своей таблице, а я эти часы смотрела на телефон так, будто он мне денег должен. Женщина такое помнит. И, к стыду своему, женщине такое иногда приятно.

* * *

Но было ещё одно дело, которое я весь день собиралась сделать, а вино придало мне храбрости.

Я написала Делии: «Как фамилия Гранта? Исключительно для моей картотеки».

«Мэйфилд!» — ответила она и поставила маленький смайлик с тортиком, который я решила считать очаровательным. «Грант Мэйфилд. А что?»

«Я старомодна, — написала я. — Люблю знать, с кем ужинают мои клиентки».

Потом открыла ноутбук и вбила его имя в поисковую

строку.

С интернетом я не дружу. Признаюсь честно. Найти ресторан или рецепт я могу, а однажды случайно нашла домашний адрес своего стоматолога и никому об этом не рассказывала. Но я сваха, а значит, моё дело — выяснять, кто есть кто. И вы удивитесь, сколько всего о человеке просто валяется на виду, только подбирай.

Грантов Мэйфилдов оказалось много.

Один был подиатром на пенсии из Огайо, с добрым лицом и очень большой лодкой. Другой жил в Орегоне, было ему шестнадцать лет, и он вёл канал о скейтборде, в основном о том, как с него падать. Третий продавал газонокосилку по объявлению в Теннесси и, судя по фотографии, был ровесником этой газонокосилки. Четвёртый умер в Кентукки, оплакиваемый внуками и командой по боулингу.

Гранта Мэйфилда, торгующего медицинским оборудованием, не было. Ни в диагностике, ни в продажах. Ни в Атланте, ни в Нэшвилле, ни в Виргинии, ни в одном месте, где загорелый мужчина с прекрасными зубами мог бы жить в гостиницах и ездить на конференции.

Я перебрала компании. Крупные, которые делают томографы, и мелкие, которые их продают. Перебрала профессиональные сайты, где у каждого продавца есть фото в костюме и список навыков, которые ему подтвердил двоюродный брат. Ничего.

Был его профиль в «Девяносто девять», который Делия

показывала мне с телефона. Яхта. Тёмно-синий костюм. Ретривер, который не его.

И всё. Вот и весь человек.

Я откинулась на спинку стула и долго смотрела на экран.

По моему опыту, человек, который нигде не оставляет следов, бывает одним из двух. Либо святой, либо очень осторожный.

А святые, насколько мне известно, на сайтах знакомств не сидят.

* * *

Когда меня подводит интернет, я пользуюсь другим средством. Старым. Тем, что работает в этом городе последние триста лет.

Я позвонила Кэролайн Хаверти.

— Тесс! — сказала она после первого же гудка, из чего я заключила, что она ждала звонка, и неважно от кого. — Дорогая. Я как раз собиралась тебе звонить. Автобус! Это правда? Он вернулся? Он вернулся ради тебя?

— Он вернулся ради бизнеса, Кэролайн.

— Угу, — сказала Кэролайн тоном, каким ставят печать «принято к сведению». — И как он выглядит?

— Как мужчина на автобусе.

— Ох, Тесс. Ты всегда так остроумна, когда тебе больно.

Я на секунду закрыла глаза и решила пропустить это мимо, как машину, за которой незачем гнаться.

— Кэролайн, мне нужна твоя помощь. Ты знаешь кого-нибудь по фамилии Мэйфилд? Грант Мэйфилд. За сорок, красивый, говорит, что работает с медицинским оборудованием. Много ездит.

Кэролайн Хаверти знает всех. Это не преувеличение. Если вы родились в Сэйбл-Харборе, вышли здесь замуж или хотя бы продали кому-нибудь здесь диван, Кэролайн об этом знает. И знает, кем была ваша мать, и что ваша мать сказала про свадебный торт Фостеров при всём приходе.

В трубке повисла пауза. Я слышала, как она перебирает картотеку у себя в голове, совсем как я свою.

— Нет, — сказала она наконец, почти обиженно. — Никаких Мэйфилдов. Был старый судья Мэйфилд, но он скончался, а его племянник уехал в Шарлотт и стал вегетарианцем, чего мать ему так и не простила. Но никакого Гранта. И никакой медицины. — Пауза. — А что? Он из твоих?

— Он друг одной клиентки.

— Друг, — повторила Кэролайн тем же тоном с печатью. — Ну что ж. Будь он кем-нибудь, Тесс, я бы его знала.

— Вот этого я и боюсь, — сказала я.

* * *

В пятницу утром миссис Олбрайт поджидала меня у подножия лестницы.

Миссис Олбрайт семьдесят три года, ростом около полутора метров и управляет своей свечной лавкой железной ру-

кой женщины, которая когда-то заведовала школьной столовой. О запахах у неё такие же твёрдые убеждения, как у иных людей о религии. Каждый понедельник она выпускает новый аромат, и каждый понедельник весь дом живёт внутри него, хочет он того или нет.

На этой неделе она, видимо, решила, что «Персиковый рай» загостился. На лестнице теперь пахло так, будто магнолия пережила грозу и не собиралась её прощать.

— «Магнолия в грозу», — сообщила миссис Олбрайт, не дожидаясь вопроса. — Выпустила досрочно. Было предчувствие.

— Какое предчувствие?

Она посмотрела на меня поверх очков. Очки висели на цепочке из бусин, и надевала она их, по-моему, исключительно для того, чтобы смотреть поверх них с укоризной.

— В среду по вашей лестнице поднимался молодой человек, — сказала она. — Высокий. Джинсы со стрелками. Он сказал мне «доброе утро». Мне никто не говорит «доброе утро». Мне говорят: «Господи, чем это пахнет?»

— Он не молодой человек, миссис Олбрайт. Ему тридцать шесть.

— Для меня, милочка, все молодые люди. Наш почтальон тоже молодой человек, хотя у него уже внуки в колледже. — Она с удовольствием втянула воздух. — Персик — это для дружбы. Магнолия — для любви. Я решила помочь.

— Никому не нужна помощь.

— Он спускался по этой лестнице, — сказала миссис Олбрайт, — очень медленно. Мужчина спускается по лестнице медленно, только если оставил наверху что-то, за чем собирается вернуться. — Она похлопала меня по руке. — Большая банка — тридцать пять долларов. Вам, как своей, сделаю скидку.

— Я вам не своя.

— Это пока, — сказала миссис Олбрайт и удалилась к себе в лавку, оставив меня в облаке оскорблённой магнолии без единого достойного ответа.

Не знаю, зачем я купила эту банку. Поставила её на подоконник в кабинете. Зажигать не стала.

А это совсем не то же самое, что купить её с какой-то целью.

* * *

В пятницу после обеда Делия поднялась ко мне по лестнице с белой картонной коробкой. Волосы у неё впервые выбились из узла, и я сочла это хорошим знаком.

— Обрезки, — сказала она и поставила коробку на стол. — От свадебного торта. Лимон с бузиной. Продать их нельзя, всё не съесть, а Пейдж говорит, если я ещё раз понесу их домой, она вызовет мне психолога.

Я открыла коробку. Она была полна бледно-жёлтого бисквита, нарезанного неровными брусочками, и к краям липли завитки крема, как последние гости на вечеринке.

— Делия, — сказала я. — Кажется, я вас люблю.

— Все так говорят про обрезки. — Она без приглашения села в клиентское кресло, и это я тоже сочла хорошим знаком, и скинула одно сабо. — Ну вот. Вы обещали позвонить. Считайте, что я пришла сама.

Мы поболтали ни о чём. О её неделе. О невесте, которая хотела торт в виде Эйфелевой башни и очень расстроилась, узнав, что торту, как и башне, нужен фундамент. Грант утром написал ей дважды, красиво, с запятыми. В воскресенье он улетал в Атланту.

Я съела три кусочка лимонного торта и решила, что сейчас или никогда.

— Делия, — сказала я. — Хочу вам кое-что предложить. Просто предложить.

— Так.

— Вы же знаете, я люблю, чтобы у моих клиентов был выбор. На всякий случай.

— Та-ак, — протянула она медленнее.

— Есть один человек. Мне кажется, он мог бы вам понравиться. Немного необычный. Очень честный. Работает на свежем воздухе. Он…

— Нет.

— Вы даже не…

— На свежем воздухе, — повторила Делия. Она застыла в кресле, как кошка, услышавшая слово «ветеринар». — Тесс. Необычный. Честный. На свежем воздухе. Скажите, что вы

не о леснике.

Я взяла четвёртый кусочек, медленно, чтобы выиграть время. Торт был очень хороший.

— Господи, — сказала Делия. — О нём.

— Он прекрасный человек.

— Он сравнил меня с комаром!

— По-моему, это вы сравнили дерево с комаром.

— Не в этом дело! Он смотрел на мою духовку, как будто она совершила преступление! Он хочет, чтобы мои клиенты ломали ноги! Он подписывается, как злодей в кино! — Она снова надела сабо, будто собиралась бежать. — И вообще это неважно. Я встречаюсь с Грантом.

— Конечно, — сказала я. — Конечно, встречаетесь. Забудьте, что я сказала. Съешьте кусочек собственного торта.

Кусочек собственного торта она не съела. Какое-то время сидела, хмуро глядя на мой папоротник, а потом лицо у неё смягчилось, стало чуть виноватым, и она сказала, почти про себя:

— А он милый, на самом деле. Грант. Он сегодня утром сказал забавную вещь.

— Какую?

— Попросил пока никому про нас не рассказывать. — Она чуть улыбнулась. — Пусть это останется между нами, пока мы не уверены, сказал он. Говорит, он в таких вещах старомоден. Правда, мило? Он не хочет торопиться.

Она смотрела на меня и ждала, что я скажу «мило».

Я улыбнулась ей. Что-то сказала. Честное слово, не помню что. Что-то о том, как хорошо, когда люди не торопятся.

А сама думала о своём папоротнике, который старше моего развода. О четырёхстраничной анкете на кремовой бумаге, о папках в ящике и о том, что благодарственные открытки я до сих пор пишу от руки. По любым разумным меркам я самая старомодная женщина в Сэйбл-Харборе моложе шестидесяти.

И я знаю, что значит «старомодный».

Старомодный мужчина хочет познакомиться с вашей мамой. Хочет сидеть с вами на крыльце, чтобы видели соседи. Хочет, чтобы знала вся улица.

Старомодный мужчина не просит держать его в секрете.

Глава 7. Шесть утра

В три часа ночи кондитерская принадлежала Делии.

Вот чего никто не понимал, когда слышал, что она встаёт в три. «Ой, бедная», — говорили люди таким тоном, будто она ночами разгружает вагоны. А в три часа ночи улица стоит тихая и синяя, духовка пощёлкивает, нагреваясь, масло мягчеет на столе, и весь мир принадлежит только ей и тесту. Никому ничего не нужно. Никто не пишет. Даже дуб за окном спит или чем там дубы занимаются вместо сна.

В три она включала печи. В половине четвёртого ставила бисквиты. В четыре бралась за кондитерский мешок, в пять собирала ярусы, и к шести, если день задался, у неё за спиной были три часа идеальной, тихой работы, а в руке чашка кофе.

В понедельник ровно в шесть под окном взревел компрессор, как бульдозер, которого разбудили не в духе.

Делия в этот момент отсаживала сахарную розу. Последнюю из двадцати четырёх для субботней свадьбы. Роза получалась замечательно, тонкий лепесток за лепестком, пока весь стол вдруг не загудел. Рука дрогнула, и у розы один лепесток встал торчком вбок, как ухо у дворняжки.

Делия отложила мешок.

Сняла перчатки.

И вышла на улицу.

* * *

Их было трое. Двое мужчин в оранжевых жилетах выгружали из белого городского пикапа инструменты: молодой, который всё время говорил, и постарше, который молчал. А посреди тротуара, присев у самого толстого корня с рулеткой в руках, был лесник.

Он поднял на неё глаза. Она стояла в фартуке, руки в сахаре, волосы выбиваются из узла, и у неё было очень ясное ощущение, что её видят ровно такой, какая она есть. А в шесть утра такое мало кому льстит.

— Доброе утро, — сказала она голосом, который означал прямо противоположное.

— Доброе.

— Сейчас шесть часов.

— Да.

— Утра.

Он встал. Посмотрел на компрессор, потом на неё, потом на витрину кондитерской, где на столе выстроились двадцать три безупречные розы и одна контуженная.

— Разрешение с шести, — сказал он. — Извините.

Четыре слова. Она посчитала. Она считала его слова с прошлой недели, сама того не желая, как считаешь ступеньки на лестнице, по которой ходишь каждый день. Он был очень последователен. Больше шести за раз не говорил никогда.

— Вы знаете, чем я там сейчас занимаюсь?

— Розами, — сказал Сэм.

Она на секунду растерялась.

— Откуда вы знаете?

Он кивнул на витрину.

— Видел через стекло. Раньше.

— Вы за мной подглядывали?

— Вы были в окне, — ответил он так, будто это всё объясняло. Будто она птица на ветке и не заметить её было бы невежливо.

Молодой в жилете перестал разгружать и откровенно наслаждался зрелищем. Старший продолжал работать, но заметно медленнее.

— Так, — сказала Делия. — Хорошо. Сколько это всё продлится? Всё целиком?

— Три недели. Может, четыре.

— Четыре недели.

— Корни не торопятся.

— Я, как выяснилось, тоже. Но мне к субботе надо закончить двадцать четыре розы, а каждый раз, когда эта штука кашляет, очередная роза выглядит так, будто её потрепали в очереди на распродаже.

Он ещё раз посмотрел на компрессор. Потом на неё. Потом подошёл к старшему, сказал ему пару слов, и тот кивнул и откатил машину метров на шесть вдоль бордюра, за пикап. Теперь пикап стоял между компрессором и её окном, как большая белая стена.

Громко было всё равно. Но гораздо тише.

— Лучше? — спросил Сэм.

Делия открыла рот, чтобы из принципа сказать «нет», и поняла, что не может. Стало лучше.

— Сойдёт, — сказала она и ушла внутрь. Дверью не хлопнула. И целый час злилась на себя за то, что не хлопнула.

* * *

— Ну что, — сказала Пейдж в восемь утра, входя с телефоном наготове. — Твой кавалер под окном.

— Он не мой кавалер.

— Я про лесника.

— Я поняла, про кого ты.

Пейдж облокотилась на прилавок и уставилась в окно с мечтательным видом человека, который смотрит хороший сериал.

— Он измеряет корни. Руками. И всё время кладёт ладонь на ствол. Это даже как-то чересчур.

— Это его работа.

— Да? — Пейдж обернулась. — Погоди. А Тесс что-нибудь говорила? Про запасные варианты?

Делия отсадила безупречный лепесток и промолчала.

— О господи, — сказала Пейдж. — Говорила.

— Упомянула. Один раз. Я сказала «нет». Вопрос закрыт. Никакого вопроса нет.

— А он знает?

— Понятия не имею, что он знает, — сказала Делия. Это была правда. Из-за неё Делия полночи не спала в субботу и вовсе не собиралась обсуждать это с двадцатитрёхлетней девицей до девяти утра.

Но она видела, как он на неё сегодня посмотрел. Без удивления. Без любопытства. Как человек, который уже что-то знает и очень старается этого не показать.

Значит, да. Скорее всего, знает.

И теперь она знала, что он знает. И он, наверное, знал, что она знает, что он знает. И никто из них не собирался произнести об этом ни слова. Три недели, может, четыре. В двух метрах друг от друга, через стекло.

Корни не торопятся.

В одиннадцать сорок Делия обожгла тыльную сторону левой руки о дверцу духовки, потянувшись за противнем. Чертыхнулась. И долго стояла у раковины, держа руку под холодной водой, думая о мужчине в дверях, который сказал: «Отсюда ожог».

Раньше это просто случалось.

А теперь это кто-то заметил. И почему-то от этого стало гораздо труднее не обращать внимания.

* * *

Грант был в Атланте.

Он писал каждое утро в половине восьмого. Ровно. Не в семь двадцать девять, не в семь тридцать две. Во вторник

Делия случайно смотрела на телефон в ту самую минуту и видела, как 7:29 сменилось на 7:30, и сообщение пришло в ту же секунду, как будто кто-то стоял за дверью и ждал сигнала.

«Доброе утро, красавица. Думаю о вашей улыбке в этот серый атлантский день. Испеките сегодня что-нибудь сладкое для меня».

И в десять вечера, тоже ровно:

«Спокойной ночи, Делия. Надеюсь, ваш день был так же прекрасен, как вы. Считаю дни».

Хорошие сообщения. Красивые предложения. Каждая запятая на своём месте.

— Какой он постоянный, — вздохнула Пейдж, читая через её плечо. — Это же такой хороший знак! Ты знаешь, какая редкость постоянство? Мой бывший писал мне раз в четыре дня, и то фотографию своей кошки.

— М-м, — сказала Делия.

Она не сказала вслух: сообщения каждый день одинаковые. Не слово в слово. Но одного фасона. Улыбка. Прекрасна. Сладкое. Считаю. Как печенье, вырезанное одной формочкой: тесто можно замесить любое, а звёздочки выйдут одинаковые.

Не сказала, потому что жаловаться на такое смешно. Мужчина надёжно, дважды в день, из другого штата, говорит ей приятное. Что ей, попросить его быть поненадёжнее?

За окном бригада Сэма резала старую плитку на квадраты и складывала у бордюра. Сам Сэм снова стоял на коленях у

ствола и голой ладонью счищал с корня землю. Медленно, так смахивают пыль с любимой книги.

Он ей ни разу не написал. У него не было её номера. За всё это время он сказал ей, она посчитала, от силы слов тридцать.

Она помнила каждое.

* * *

Во вторник она вынесла бригаде кофе.

Это была стратегия. Дипломатия. Если не можешь остановить шум, подружись с шумом. Может, тогда шум начнёт свой компрессор в четверть седьмого, а не в шесть.

Молодого звали Луис. Он пил кофе с четырьмя ложками сахара и, пока она протягивала ему чашку, успел рассказать ей всю свою жизнь. Ему двадцать шесть, он помолвлен, невеста хочет торт в виде замка — а она такие делает?

Старшего звали Дарнелл. Он пил чёрный, сказал «Благодарю» и до конца недели больше не сказал ничего. Делия находила его очень успокаивающим.

Сэм взял свою чашку, посмотрел на неё, посмотрел на Делию и сказал:

— Чёрный.

— Угадала.

— Хорошо угадали.

Два слова. Но он сказал их, глядя прямо на неё, и она ушла внутрь с горящими щеками и сказала себе, что это от духов-

ки.

В среду она снова вынесла кофе. Потому что во вторник вынесла, а если перестать, это будет выглядеть как демонстрация.

В четверг, когда она вышла, в дубе орала птица. Другого слова не подберёшь. Крошечное бурое создание где-то в листве голосило изо всех сил, повторяя одно и то же коленце, так громко, что заглушало даже Луиса.

— Это кто? — спросила Делия. — Что с ним такое?

Сэм даже не поднял головы.

— Каролинский крапивник.

— Почему он так орёт?

— Маленький, — сказал Сэм. — Иначе не услышат.

Она стояла с подносом в руках, кофе остывал, а она смотрела вверх, в ветки, пытаясь его разглядеть. Не получалось. Только листья, свет и этот огромный голос неизвестно откуда.

— Он как будто всем что-то объявляет, — сказала она.

— Объявляет.

— Что?

Тут Сэм наконец поднял голову. Не на птицу. На неё.

— Что он здесь, — сказал он.

Потом взял свой кофе и вернулся к работе. А Делия ушла в кухню и долго стояла посреди неё, не помня, зачем пришла.

* * *

В пятницу Пейдж пришла в восемь и застала её у двери с подносом.

— Опять кофе им несёшь?

— Это уже целая система, — сказала Делия. — Если перестану, будет странно.

— Ага.

— Шум всё равно невыносимый. Так хоть по-человечески.

— Ага, — сказала Пейдж ещё раз, голосом куда старше двадцати трёх.

Делия толкнула дверь бедром и шагнула на то, что осталось от тротуара. Утро было мягкое, серое, уже тёплое. За пикапом гудел компрессор. Орал крапивник. Луис помахал рукой. Дарнелл кивнул. Сэм стоял на коленях у ствола, спиной к ней.

И тут она посмотрела на поднос у себя в руках.

Две чашки.

Не четыре. Не Луису с четырьмя ложками сахара, Дарнеллу, Сэму и себе. Две. Одна чёрная. Одна с молоком. Её и его. Как будто бригада в какой-то момент недели перестала существовать, а ей забыли об этом сообщить.

Она стояла на разбитом тротуаре с этими двумя чашками.

Она не помнила, когда так решила.

Глава 8. Окно кондитерской

Сэм приезжал в половине шестого. Бригада начинала в шесть. Он говорил себе, что это ради корней.

Отчасти так и было. До рассвета, пока нет машин, компрессора и Луиса, можно встать на колени у дерева и по-настоящему слышать, что делаешь. Земля прохладная. Корни честные. Видно, куда они хотят расти, а это первое, что нужно понять, прежде чем объяснять им, куда расти нельзя.

Он опустился на колени у большого бокового корня со стороны улицы, того самого, что приподнял три плитки, как спящий, который ворочается под одеялом, и стал отгребать землю рукой.

А в окне кондитерской горел свет.

Он горел всегда. Каждое утро в половине шестого, с первого дня работ. Тёплый жёлтый квадрат на тёмной улице, и в нём она.

Специально он не смотрел. Это он хотел прояснить хотя бы для себя. Окно было прямо там, а он прямо здесь, и полчаса стоять на коленях у корня с закрытыми глазами человек не может. Упадёт.

Так что он видел разное. Только и всего. Видел, как видел всё вокруг.

* * *

Она разговаривала со своими тортами.

Не всё время. В основном когда они капризничали. Наклонялась над бисквитом, который вышел из духовки с ямкой посередине, и что-то ему говорила, тихо и серьёзно, как учительница, оставившая двоечника после уроков. Слов через стекло слышно не было. Ему и не нужно было. Этот тон он знал. Он сам так разговаривал с деревьями, которые не желали расти прямо.

Она пробовала всё. Масляный крем, ганаш, жёлтое, розовое. Пробовала одной и той же маленькой серебряной ложечкой. И каждый раз после одной пробы шла к раковине, мыла ложечку и вытирала её о фартук, прежде чем пробовать следующее. Каждый раз. Во вторник он насчитал одиннадцать. Другую ложку она не брала никогда. Каждый раз мыла ту же самую.

Он не знал, почему это так его задело. Задело, и всё.

Она напевала миксеру. Это он выяснил в среду, когда бригада опоздала, компрессор молчал, а дверь кондитерской была подпёрта для сквозняка. Она подпевала мотору, мимо нот, какую-то песню, которую он почти узнал. А когда миксер умолкал, она ещё секунду пела одна, будто не заметила, что он замолчал.

А в четверг без четверти шесть он видел, как она обтягивает торт листом белой мастики. Мастика порвалась, и Делия замерла, упёршись ладонями в стол, и произнесла слово, которое он прочёл по губам через стекло без малейшего

труда.

Он засмеялся. Вслух. Один, на коленях в темноте, рядом с дубом.

А потом вернулся к корню и двадцать минут злился на себя.

Ничего этого он замечать не должен был. Она не его дело. Она встречается с мужчиной, у которого девяносто девять. Пари Тесс — это забота Тесс. Анкету он заполнил, потому что его подкупили двумя месяцами покоя. Вот у него два месяца покоя. А он в половине шестого утра замечает, какой ложечкой женщина пробует крем.

На одно он заставлял себя не смотреть: на духовку.

Он знал, что увидит. Её левую руку, которая тянется через дверцу. В последние дни он видел, как она замирает на полсекунды, прежде чем потянуться. Она знала. С тех пор как он сказал, она знала. И всё равно приходилось тянуться, по сорок раз за утро, потому что петли стояли не с той стороны и никто их не переставил.

Вот на это он не смотрел. Об этом он думал, и это было хуже.

* * *

В четверть седьмого она выходила с двумя чашками.

Началось это в пятницу. Как именно, он сам не понял. На прошлой неделе она выносила кофе на всех, целый поднос, очень официально, будто платила дорожный сбор. А в пят-

ницу вышла с двумя чашками. Его и её. И стояла с ними со странным выражением лица, будто поднос сыграл с ней шутку, а потом молча отдала ему чашку и ушла.

Луис посмотрел на него. Дарнелл посмотрел на Луиса. Никто ничего не сказал. В понедельник Луис стал покупать себе кофе на заправке, с четырьмя ложками сахара, а Дарнелл принёс термос.

Теперь она выходила в четверть седьмого, и они пять минут стояли у пикапа и пили кофе. Только и всего. Пять минут.

— Вы рано приезжаете, — сказала она во вторник.

— Корни.

— Им нужно, чтобы вы были тут в полшестого?

— Тогда лучше. Тише.

— Знаю, — сказала Делия. — Это и моё время.

Он посмотрел на неё. Она посмотрела в свою чашку.

В среду она принесла ещё кое-что, на бумажной салфетке. Квадратик торта с проваленным углом, будто на него кто-то сел.

— Брак, — сказала она. — Бисквит осел. Продать нельзя. Пейдж их больше не ест, говорит, у неё от них уже щёки как у хомяка.

Сэм взял и съел в два укуса. Шоколад и что-то терпкое. Апельсин, кажется. Торт он не ел давно. Забыл, что у торта бывает такой вкус.

— Ну как? — спросила она.

— Вкуснее идеальных.

— Вы идеальных не пробовали.

— И не надо.

Она засмеялась. Не своим большим смехом, внезапным и слишком громким, о котором рассказывала Тесс. Маленьким, нечаянным, как вспорхнувшая из куста птица. А потом ушла внутрь, и с порога донёсся голос Пейдж, на всю улицу:

— Мне она брак никогда не даёт!

В четверг был лимонный, треснувший посередине.

Его он ел медленно.

* * *

Грант приехал в четверг после обеда.

Сэм стоял в траншее, которую они прокопали вдоль корня, по колено в земле, проверял глубину. Машину он услышал раньше, чем увидел. Белый седан с наклейкой штрихкода на заднем стекле, как бывает у прокатных машин из аэропорта. Седан встал у бордюра вплотную за городским пикапом, слишком близко.

Вышедший из него мужчина был тот самый, с фотографии. Сэм узнал его так, как узнаёшь дерево, которое раньше видел только в справочнике. То же лицо. Те же зубы. Только вживую чуть мельче. Чуть глянцевее. И слишком загорелый для этого времени года, как будто только что вернулся откуда-то, где солнечно, но точно не из Атланты.

В руках у него был букет красных роз в целлофане.

На дерево он не взглянул. Ни на траншею, ни на бригаду, ни на разбитый тротуар. Он смотрел на дверь кондитерской, как смотрит актёр на сцену, на которую сейчас выйдет.

Дверь открылась раньше, чем он до неё дошёл. Вышла Делия в фартуке, с мукой на щеке, и остановилась.

— Грант! Вы вернулись? Я думала, Атланта до субботы.

— Не выдержал, — сказал Грант. — Перенёс встречу. Хотел сделать вам сюрприз. — Он протянул розы. — Моим девяноста девяти процентам.

И поцеловал её в щёку. В чистую, без муки.

Делия взяла розы. Держала она их как-то неловко, как держат чужого младенца. Сэм видел, как её взгляд скользнул по целлофану и задержался на нём на полсекунды. И знал, что она увидела, потому что видел это и сам, из траншеи. На упаковке так и осталась оранжевая наклейка из супермаркета. Двенадцать девяносто девять.

Она ничего не сказала. Улыбнулась и сказала, что розы прекрасные.

Грант обернулся и словно впервые заметил Сэма. Улыбнулся ему широко, дружелюбно, с извинением, как улыбаются официанту.

— Извините! — крикнул он. — Не отгоните чуток свой грузовик? Вы мне машину зажали.

Сэм посмотрел на пикап. На прокатную машину, стоявшую в пятнадцати сантиметрах от его бампера. На Гранта.

— Не отгоню, — сказал он.

Повисла короткая тишина. Луис по ту сторону траншеи издал какой-то звук и превратил его в кашель.

— Не беда, — любезно сказал Грант, будто Сэм ответил что-то совсем другое. — Как-нибудь выеду.

Он повернулся к Делии. И прямо там, на тротуаре, в трёх метрах от траншеи, взял её руку, левую, со шрамом, и заглянул ей в лицо.

— В таких глазах можно утонуть, — тепло сказал он. — Вы знаете?

* * *

Сэм в своей жизни слышал немало слов, которые говорят женщинам. Слышал в ресторанах по четвергам у Тесс, от соседних столиков. Слышал в парках. Сам кое-что говорил, неуклюже.

И разницу он знал. Объяснить словами не смог бы. Но знал её, как знал разницу между живой веткой и веткой, которая только выглядит живой, потому что её ещё никто не проверял.

Есть слова, которые говорят, потому что что-то увидели.

А есть слова, которые говорят, потому что уже говорили.

Вот это, подумал Сэм, стоя по колено в траншее посреди чужого тротуара, была заготовка. Не мысль. Заготовка. Стёртая от частого употребления, как ступенька в старом доме, по которой прошла тысяча ног.

Делия улыбалась. Смотрела на Гранта и улыбалась, и щё-

ки у неё порозовели.

Сэм вылез из траншеи.

Смотал рулетку. Собрал инструменты, один за другим, и сложил в кузов. Велел Дарнеллу закрыть траншею фанерой, а Луису выставить конусы.

— Уезжаешь? — спросил Луис. — Два часа же.

— Да.

— Ты никогда не уезжаешь в два.

— Сегодня уезжаю, — сказал Сэм. Сел в пикап и очень аккуратно отъехал от бордюра, так, чтобы даже не задеть белую прокатную машину со штрихкодом на заднем стекле.

Выходит, он всё-таки отогнал грузовик. Это он сообразил только на полпути к дому.

Глава 9. Вечер у Кэролайн

Кэролайн Хаверти каждый год устраивает приём в саду, когда наконец спадает жара, и каждый год говорит, что это так, пустяки, несколько друзей, ничего особенного.

Каждый год приходит сто сорок человек, играет струнный квартет, а один специально нанятый человек весь вечер следит, чтобы не гасли фонарики.

Дом её стоит в Старом квартале: три этажа бледно-розовой штукатурки, а за ним сад, который тянется дольше, чем позволяют законы геометрии. Магнолии, фонтан с каменной рыбой, которая плюётся водой, и длинный белый стол под самой старой магнолией. В этом году стол был заставлен тортами Делии.

Пришла я ради клиентов. Так я себе сказала, и это была правда. Половина моей работы — стоять в таких садах с бокалом чего-нибудь холодного и слушать. Чья дочь вернулась откуда-нибудь и грустит. Чей сын наконец забыл девушку с юрфака. Какой вдовец снова начал пользоваться одеколоном. Приём в Старом квартале — та же ярмарка невест, только все делают вид, что пришли за лимонадом. Надо только уметь читать между строк, а читать я умела всегда.

Ещё я пришла ради торта. Я тоже человек.

И я совершенно точно пришла не потому, что Кэролайн между делом упомянула: «Я пригласила этого, с приложени-

ем, просто из любопытства, дорогая, ты же не против?»

Я была не против. С чего бы мне быть против. Надела синее платье, своё лучшее, чисто случайно.

* * *

Он стоял у фонтана.

Ну конечно у фонтана. Уэс в любой компании находит единственное место, откуда видно всё и где никто не может зайти ему за спину. На нём был льняной пиджак, светло-серый, в руке бокал белого, к которому он не притрагивался, а вокруг него три самые грозные дамы Сэйбл-Харбора что-то ему доказывали.

Он увидел меня через весь сад. Поднял бокал сантиметра на три.

Я подняла свой на полтора. Во всём нужна соразмерность.

— Ой, смотрите, — сказал голос у моего локтя. — Он на вас смотрит.

Это была Лула Петтигрю. Ей восемьдесят один год, и она не пропустила ни одного приёма в Старом квартале ещё с тех времён, когда здесь не было кондиционеров. Рядом с ней стояла её золовка Банни, семидесяти девяти лет, которая слышит только то, что ей интересно.

— Он смотрит на фонтан, мисс Лула.

— Фонтан у вас за спиной, милочка.

— Тогда на рыбу.

— Дорогая, на рыбу так смотрят только перед ужином, —

сказала Банни, которая, по-видимому, это услышала.

— Вы были женаты, — сообщила мне Лула, будто я могла забыть, — четыре года. Два года подряд были самой красивой парой на рождественском устричном вечере. Все так говорили. А потом всё, как корова языком слизала. Лула махнула веером.

— А теперь он вернулся, — с удовольствием сказала Банни. — На автобусе.

— Угу, — сказала Лула. — Кэролайн поставила двадцать долларов на Рождество.

Я обернулась и уставилась на неё.

— На Рождество — что?

— Что вы помиритесь, милочка. Кэролайн ставит на Рождество. Банни на Пасху. А я говорю, что вы ни за что не признаетесь, но к Четвёртому июля будете вместе завтракать. — Лула похлопала меня по руке. — У нас маленький тотализатор.

— Нет и не может быть никакого тотализатора, — сказала я.

— Конечно, нет, — ласково сказала Лула, и они поплыли к столу с тортами, как две очень нарядные яхты, а я обнаружила, что допила вино и не заметила как.

* * *

— Говорят, тут тотализатор, — сказал Уэс.

Он подошёл, пока я искала глазами официанта. Это ещё

одна его черта: никогда не слышно, как он подходит. Он просто оказывается рядом, на вежливом расстоянии, будто всегда тут стоял.

— Нет никакого тотализатора!

— Мисс Лула только что сказала мне, что у неё Четвёртое июля.

— Мисс Лула ставит на Четвёртое июля всю жизнь. Она и на выборы мэра так ставила.

Он улыбнулся. По-настоящему улыбнулся. И я вспомнила, почему вышла за него замуж. А потом вспомнила таблицу для выбора дивана, и мне снова полегчало.

— Хороший вечер, — сказал он.

— Это вечер Кэролайн. У Кэролайн все вечера хорошие. Для того она и существует.

— Торты твоей клиентки очень вкусные.

— Знаю.

— Я съел два куска.

— Передам ей.

— Не говори, что два. Скажи, что один. — Он посмотрел на стол, где Делия в зелёном платье отрезала лимонный ярус для мужчины, который хотел непременно угловой кусок. — Она пришла одна.

— У её кавалера изменились планы.

— Ага, — сказал Уэс с чуть излишним интересом.

— Не говори мне «ага».

— Я не говорю «ага» тебе. Я просто говорю «ага». Это

нейтральное междометие.

— Ты не произносил нейтральных междометий с первого дня нашего знакомства, — сказала я.

У нас за спиной кто-то очень отчётливо сказал: «Ой, ругаются. Это к свадьбе». Я не обернулась. Я и так знала, что это Банни. Она слышит только то, что ей интересно.

* * *

Делия нашла меня у магнолий в половине девятого, когда уже зажглись фонарики, а квартет перешёл на что-то медленное и немного печальное.

— Он в Нэшвилле, — сказала она, не дожидаясь вопроса. — Грант. Должен был прийти сегодня. Его срочно вызвали. Что-то с больницей. — Она протянула мне телефон. — Но он прислал такое милое сообщение. Вот.

Я посмотрела.

«Мне так жаль пропустить сегодняшний вечер, Делия. Я так хотел увидеть, как вы сияете. Оставьте мне кусочек чего-нибудь сладкого и знайте, что я думаю о вашей прекрасной улыбке. Считаю дни до возвращения».

— Правда, прелесть? — сказала Делия.

— Очень хорошо написано, — сказала я.

— Посмотрите остальные. Он пишет каждый день. Два раза. — Она пролистала для меня назад, и я читала, раз уж она предлагала, и потому что читать людей — моя работа, а сообщение — это человек без лица, но с почерком.

Они были прелестные. Все до одного. Тёплые, добрые, грамотные. Улыбка. Прекрасна. Сладкое. Считаю. Думаю о вас. Прекрасна, как вы.

И в них ничего не было.

Я не о том, что в них не было ничего приятного. В них не было её. Имя стояло наверху, как наклейка на банке с вареньем. Но за две недели переписки он ни разу не упомянул дерево. Ни розы для субботней свадьбы, ни Пейдж, ни голову жениха Хендриксов под машиной, ни кондитерскую, ни сабо, ни ожог на руке. Ни одной вещи, которую можно было написать только Делии Хаскелл. Ни одного доказательства, что он её слушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.